

УДК 811.16'36
ББК 81.2-2

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В АСПЕКТЕ МЕЖСЛАВЯНСКОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ

К.В. Федорова

В статье анализируется процесс формирования вторичных производных в славянских языках в результате семантико-стилистических преобразований, а именно: развитие нового значения лексемы на базе межъязыковой энантиосемичной корреляции, приведшее к образованию межславянской омонимии; появление нового значения лексемы на базе омонимичных отношений, ставшее толчком к возникновению семантической оппозиции; приобретение нейтральной лексемой дополнительного коннотативного оттенка, послужившее толчком к образованию межславянской энантиосемии.

Ключевые слова: семантическая трансформация, оппозиция, эмоционально-оценочное значение, коннотация, энантиосемичная корреляция.

Наряду с лексемами, экспрессивность которых была заложена в процессе номинации, выделяются слова, получившие эмоционально-оценочный компонент в результате их семантической трансформации, которая осуществляется по общим принципам вторичной номинации, имеющей в разных языках свои особенности.

Представляется чрезвычайно важным выявление процессов, приводящих к приобретению лексемой нового эмоционально-оценочного значения и связанных с различными межъязыковыми явлениями, обусловленными единством производящей основы, в числе которых особое место занимает энантиосемия – результат развития противоположных значений в пределах общеславянского корня. Семантическая деривация аффиксальных производных подкрепляется многоплановостью их значений, а потому возникновение новых коннотаций в пределах производных является частотным. Элементы содержания, не получившие «языковой сигнализации» [1, с. 37] в базовой структуре производного слова, называют иногда «сопутствующими значениями» [9, с. 91] или «смысловыми приращения-

ми» [6, с. 63]. Иная точка зрения представлена в работах С.П. Лопушанской – сторонника «комплексного подхода к содержательной стороне слова» [4, с. 141]. По мнению ученого, перенос значения представляет собой «семантическую модуляцию» [3, с. 8], отличающуюся от семантической деривации тем, что она «не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы, устанавливая синонимические отношения в пределах этой ЛСГ на основе какой-либо потенциальной семы, изменившей свой статус» [4, с. 142]. В.М. Марков считает принципиально неверным представлять себе семантический способ словообразования в качестве постепенного распада «так называемой полисемии», в результате которого происходит обособление одного из лексико-семантических вариантов [5, с. 122]. Семантическое словообразование «осуществляется путем включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы» [там же, с. 121]. Следовательно, по мнению ученого, где два значения, там и два слова.

Если иметь в виду процессы семантической трансформации, то особый интерес представляют эмоционально-оценочные производные, обнаруживающие явление энантиосемии на межславянском уровне. Так, лексема *черствый* в значении «твердый, жест-

кий, крепкий» восходит к праславянскому **kert* – «бить, ударять». В древнерусском *чърствъ* обозначало «твердый, крепкий». В современном русском языке слово *черствый* имеет семантику «несвежий, жесткий, утративший мягкость» (как правило, в сочетании с существительным *хлеб*), в некоторых других славянских языках – семантику «свежий». Значение «твердый, крепкий, жесткий» отмечается до сих пор в ряде южнославянских языков: македонском, сербскохорватском. Оно послужило основой развития противоположных сем: с одной стороны, «крепкий» – «твердый» – «черствый» (о хлебе), с другой стороны, «крепкий» – «здоровый, бодрый» – «свежий». Как видим, конечные точки этих направлений образовали полярные смыслы: «черствый» – «свежий», благодаря чему данные лексические значения вступили в отношения антитезы. Значение «черствый» (о хлебе) получили также украинское *черствий*, польское *czerstwy*. Иное направление развития семантики, связанное с обозначением крепости здоровья, бодрости, наблюдается в словенском, сербском, польском языках.

На основе значения «здоровый, бодрый» затем развилось «быстрый, проворный, ловкий». Оно отмечается в семантической структуре прилагательного *čerstvé* в чешском языке (*čerstvé děvče* «ловкая, проворная девушка», *čerstvý kůň* «быстрый конь», *čerstvý krok* «быстрый шаг»), то же в болгарском, где *чевръст* – «быстрый, ловкий», *чевръсто* – «быстро», *чевръстина* – «быстрота». В русских диалектах фиксируется *черствый* в значении «смелый, ловкий».

В словацком языке дальнейшая трансформация привела к большому объему сочетаемости: *čerstvý vzduch* «чистый воздух», *čerstvé zprávy* «последние, свежие новости», а также *čerstvý absolvent* «начинающий специалист».

В русском *черствый* приобретает переносное эмоциональное значение благодаря сочетаемости с лексемой *человек* – «бездушный, неотзывчивый, лишенный чуткости». Новая характерологическая функция славянского атрибута *черствый* («начинающий специалист» – «бездушный человек») способствует утрате им энантиосемичного значения и переходу в разряд омонимов.

Развившиеся из общеславянской основы **ljutъ* русское *лютость* «злость» (*лютый* «злой, свирепый», *лютовать* «неистовствовать»), белорусское *лютость* «жестокость, злость» и т. д. и словацкое *l'útosť* «сожаление, жалость» (*l'úto* «жалеть», *l'utovať* «жалеть»), чешское *lítost* «сожаление, жалость» вступили в корреляцию благодаря антонимичности семантики.

Значение, свойственное русскому и белорусскому языкам, является первичным по отношению к словам, обозначающим «жалость, сожаление, грусть» (ср. словацкое *l'utovať za niekým* «грустить по кому-то»). Можно предположить, что в данном случае на формирование антитезы в большей мере повлияло морфемное словообразование, то есть противоположную семантику в русском и словацком обеспечили суффиксы. Так, существование в русском языке суффиксального глагола состояния *лютовать* «свирепствовать, неистовствовать» и глаголов, оформленных тем же суффиксом *-овать* (*-евать*), выражающих одно из грамматических значений двувидовых вербальных образований – законченности, завершенности действия (*арестовать, четвертовать, премировать* и т. д.), позволяет трактовать словацкий глагол *l'utovať* по аналогии с приведенными примерами: «перестать быть лютым».

Другое значение, возникшее в результате трансформации исконной семантики, отмечается в южнославянских языках. В болгарском лексема *лют* обладает следующей сочетаемостью: *люта зима* «суровая зима», *люта ракия* «крепкая ракия (водка)», *лют пипер* «острый перец» (аналогично «суровый» – «крепкий, сильный» – «острый (на вкус), едкий»). В сербском также находим переносное значение «острый, крепкий (на вкус)»: *љуто јело* «острое блюдо». Таким образом, путем лексического переноса болгарское *лют* и сербское *љут*, миновав энантиосемичную корреляцию с русским *лютый*, вступили в омонимичные отношения с лексемами других славянских языков.

Противоположный процесс, в ходе которого один из межъязыковых омонимов развивает новое значение и вступает в энантиосемичную корреляцию с другими, можно проследить на примере лексемы *благой* – от об-

щеславянского **bolgъ* «добрый, хороший». В русском языке известна большая группа слов с корнем *благ-* / *блаж-*: современное *бла-гой* в значении «хороший, добрый», *благ*о «благополучие, счастье, добро» трактуются в словарях как устаревшие. Кроме того, *благ-* организует слова с положительной коннотацией (*благ*оволить, *благ*одарить, *благ*оустроенный, *благ*оразумный, *благ*ополучие и т. п.). С корнем *блаж-* употребительны *блаж*енный «в высшей степени счастливый» (*блаж*енно, *блаж*енство, *блаж*енствовать), наряду с разговорным «глуповатый, чудаковатый» (*блаж*енненький; первоначально «юродивый»); *блаж*ь «нелепая причуда, прихоть, дурь», в просторечии *блаж*ить – «поступать своенравно, сумасбродно; дурить» (*блаж*ной). В русских диалектах иная картина: *благ*ой – «хороший, добрый», но чаще – «глупый», «взбалмошный», «капризный», «злой» и «плохой»; *благ*о (нареч.) – «хорошо» и «плохо»; *благ*о (сущ.) – «добро» и «все плохое, злое».

Наличие у производных *благ-* / *блаж-* противоположных значений не имеет однозначного истолкования. Д. Зеленин полагал, что антонимичные значения возникли в результате описательного табуистического употребления (имеется в виду именование *благ*ая для болезни, нечистой силы и т. д.) [2, с. 155]. О.И. Смирнова в статье «Один случай энантиосемии» подтверждает, что *благ*ой в значении «плохой» произошло путем переосмысления слова *благ*ой в значениях «своенравный, злой», которые, в свою очередь, образовались от *благ*ой «святой, юродивый» [8]. Однако, как представляется, логически возможное изменение *благ*ой «своенравный, злой» в *благ*ой «плохой» вряд ли могло быть исторической реальностью. Свидетельство тому – наличие *благ*ой «плохой» и его производных в современных украинском и белорусском языках и их диалектах (украинское *благ*ий «плохой, пустяковый, никудышный, незначительный, ветхий, немощный»; белорусское *благ*і «плохой, скверный, нездоровый, нехороший на вид», *блаж*эць «худеть» и др.). Все это свидетельствует о том, что *благ*ой «плохой» являлось реалией древнерусского языка еще до разделения восточнославянских языков. Слова же *блаж*енный, *благ*ой в значе-

нии «взбалмошный, злой» и *блаж*ной, *блаж*ь отсутствуют в украинском и белорусском, что дает основание предполагать их более позднее происхождение в русском языке.

Образования с корнями *благ-* / *блаж-* в отрицательно-оценочных значениях характерны только для восточнославянских языков. Они полностью отсутствуют в южнославянских языках, а отдельные лексемы, встречающиеся в западнославянских языках, относятся исследователями к заимствованиям из восточнославянских (польское *blahy* «дурной, плохой», *blahość* «ничтожность, пустота»; чешское *bláhový* «дурашливый, блажной») [7, с. 53]. Общеславянское **bolgъ* в западнославянских языках реализовалось в значениях «блаженный, счастливый, благой, добрый, благоприятный»: ср. чешское, словацкое *blaho* «блаженство, счастье, преуспевание», польское *blogo* «благо, счастье» (устар.).

В приведенных примерах *благ*ой, *благ*о служат для выражения оценочной характеристики или обозначения связанных с ней абстрактных понятий. Иная картина вырисовывается в южнославянских языках, где у однокорневых слов отмечена конкретная, предметная семантика, а также частная оценка, связанная с обозначением пищи. Так, в болгарском *благ* – «благой, милостивый, кроткий, мягкий» и «сладкий, вкусный», *благ*о – «добро, имущество, благо, богатство, блаженство» и «варенье, скоромное»; в македонском *благ* – «сладкий; сладкий, не острый (о перце и т. п.)», «пологий, покатый», «мягкий, добрый», *благ*о – «благо, добро, богатство, имущество»; в сербском *blâg* – «сладкий, хороший», *blâgo* – «богатство, деньги, домашний скот»; в словенском *blâg* – «благородный, милостивый, благой», *blâgo* – «добро, благо, скот, товар».

Как известно, в современном русском языке слово *благ*ой, являясь стилистически маркированным, употребляется исключительно в значении «хороший, добрый» и, как правило, в устойчивых сочетаниях: *Благ*ая *в*есть. *Благ*ие *н*равы. Отрицательная коннотация сохранилась лишь в однокоренном *блаж*ь – «нелепая причуда». Однако в украинском и белорусском закрепились значения, выражающие отрицательную оценку (украинское *благ*ий «слабый, старый, убогий, пло-

хой (разговорное)); белорусское *благі* («нехороший, дурной, нездоровый»), благодаря чему указанные лексемы вступают в антитезные отношения с однокоренными словами современного русского, а также западно- и южнославянских языков.

Значение лексемы *быдло*, с диахронической точки зрения образованной от производящей основы с помощью суффикса *-л*, обросло большим количеством значений в современном русском языке: «рабочий рогатый скот (устар.)», «безликая толпа, покорно подчиняющаяся чьей-либо воле, позволяющая эксплуатировать себя; люди, бессловесно выполняющие для кого-нибудь тяжелую работу», «презрительное наименование грубого, неотесанного, бескультурного человека, движимого прежде всего инстинктами, пренебрегающего разумом и моралью». Содержащее тот же корень, что и глагол *быть*, слово *быдло* первоначально имело значение «бытие, состояние, место пребывания». Это значение до сих пор сохранилось в чешском: *bydlo* – «существование, бытие». Впоследствии в польском у слова *bydlo* развилось значение «жилище», затем «собственность, имущество», наконец, начиная с XV века, «домашний скот». В этом значении слово *быдло* перенял украинский язык, где постепенно оно приобрело переносное значение «люди, приравняемые к скоту». Русским языком лексема была заимствована либо непосредственно из польского, либо опосредованно через украинский язык. Русское *быдло*, в свою очередь, развило переносное значение на базе ассоциаций человека с животным. В современном русском языке слово активно употребляется в криминальном жаргоне со значениями: «физически крепкий человек», «человек, хорошо работающий в исправительно-трудовом учреждении», «человек с ненормальной психикой». Перенос в литературном русском языке, по всей видимости, был осуществлен по следующей схеме: «рабочий скот» – «безвольные и покорные, как стадо, люди, рабы (собр.)» – «человек, обладающий определенной системой ценностей: отрицание свободы, чувства собственного достоинства, ответственности» – «человек или группа лиц, для которых характерно отсутствие воспи-

тания, хорошего образования, зато свойственна грубость, ненормированная речь». Таким образом, русское *быдло* в обозначении человека или группы людей, маркированное современными толковыми словарями как «просторечное», «презрительное» и «бранное», вступает в отношения энантиосемии с «нейтральным» польским *bydlo* согласно критериям «экспрессивно / нейтрально окрашенное» и «ненормированное / нормированное» по сфере употребления.

Итак, приобретение эмоционально-оценочных значений ранее нейтрально окрашенными лексемами может привести к образованию межъязыкового коррелята по принципу «положительно / отрицательно маркированный признак, качество объекта», не являющегося омонимом. Напротив, процесс приобретения лексемами, состоящими в энантиосемичных отношениях с однокоренными словами других языков, коннотативных значений в результате семантической трансформации влияет на переход бывших энантиосем в разряд омонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балалыкина, Э. А. К вопросу о «фразеологичности» – «идиоматичности» семантики производного слова / Э. А. Балалыкина // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры : материалы регион. науч. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. – С. 37–45.
2. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии / Д. К. Зеленин // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 2. – Л., 1930. – С. 120–198.
3. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Филология. – Вып. 1. – 1996. – С. 6–13.
4. Лопушанская, С. П. Термин «семантическая модуляция» в метаязыке словообразования / С. П. Лопушанская // Терминоведение = Terminologie : recherches et études. Вып. 1. – М. : Московский Лицей, 1994. – С. 140–144.
5. Марков, В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В. М. Марков // Избранные работы по русскому языку. – Казань : ДАС, 2001. – С. 117–135.
6. Панов, М. В. О слове как единице языка / М. В. Панов // Ученые записки Московского го-

родского педагогического института им. В. П. Потемкина. – Т. 51, вып. 5. – М., 1956. – С. 60–65.

7. Прохорова, В. Н. Блаженный: счастливый или глупый? / В. Н. Прохорова // Русская речь. – 1978. – № 5. – С. 51–55.

8. Смирнова, О. И. Один случай энантиосемии / О. И. Смирнова // Лексикология и словообра-

зование древнерусского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 56–67.

9. Янко-Триницкая, Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значения в производных словах / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. – М.: Наука, 1963. – С. 83–97.

EMOTIVE DERIVATIVE WORDS IN INTERSLAVONIC ASPECT OF ENANTIOSEMY

K. V. Fedorova

The article is devoted to the process of formation of derived words in Slavonic languages as a result of semantic and stylistic transformations. These are the development of a new meaning of a word on the base of interlinguistic enantiosemic correlation, which leads to interlinguistic homonymy formation; appearance of a new meaning of a word on the base of homonymous relations, which stimulates semantic opposition origin; acquisition of additional connotation by a word with neutral meaning, which provokes interslavonic enantiosemy formation.

Key words: *semantic transformation, opposition, emotive meaning, connotation, enantiosemic correlation.*